

18+

Павел Алешин

Россыни звёзд

Стихи и переводы

Павел Алешин

Россыпи звёзд. Стихи и переводы

«Издательские решения»

Алешин П.

Россыпи звёзд. Стихи и переводы / П. Алешин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852739-5

Россыпи звёзд... Кажущееся хаотичным расположение звёзд на небе на самом деле определено неведомой нам гармонией космоса. Книга составлена из россыпи стихов и переводов 2010—2017 гг. Эти стихи, такие разные как по форме, так и по духу, объединены общими мотивами, которые присутствуют и в переведённых мною произведениях Сапфо, Франческо Петрарки, Микеланджело, Федерико Гарсиа Лорки, Рикардо Гуиральдеса и Альфонсины Сторни.

ISBN 978-5-44-852739-5

© Алешин П.

© Издательские решения

Содержание

Россыпи звёзд. Цикл стихотворений	7
«Под звёздами ...»	7
«Вечному – вечное славить...»	8
«Светом мы одарены – вечным ...»	9
«Никаких расстояний в пространстве, во времени – нет...»	10
«Какая хрупкая тишина – сколько таится в ней звуков! ...»	11
«Звёзды, звёзды, звёзды...»	12
«Что тебе грёзы мои? – у тебя...»	13
«От руки к руке ...»	14
«В воздухе – в том...»	15
«Так создаются миры – притяжением звёзд...»	16
«Имя твоё ...»	17
Море	19
Вступление	19
Перед рассветом	20
Преломление света	20
Море в зените	20
Голоса бури	21
Белое солнце	21
Звёздная ночь над морем	22
Разное	23
Соне, моей племяннице	23
Зимнее	24
I	24
II	25
III	25
IV	25
V	26
VI	26
Падение Фаятона	27
Кассандра	28
«Нет, не герои поэты, и сил не имеют...»	30
«Нет...»	31
Камни Иерусалима	32
Несение Креста	33
Ноктюрн	34
Паоло и Франческа	35
Песня Сирены	37
1	37
2	37
3	37
Рождение Венеры	39
Харон – Орфею	40
Песня Орфея	41
Орфей и Эвридика	42
Родосские стихи	43

I	43
II	43
III	43
IV	44
V	44
Ариадна. Поэма	46
Песнь первая	46
Песнь вторая	49
Песнь третья	51
Переводы	52
Сапфо	53
«Говорят уже, что Харакс вернулся...»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Россыпи звёзд Стихи и переводы

Павел Алешин

Иллюстратор Елена Алешина

© Павел Алешин, 2017

© Елена Алешина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2739-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Россыпи звёзд. Цикл стихотворений

«Под звёздами ...»

Под звёздами —
полнота:
сущего протяжённость,
волны безбрежные яви и снов,
снов и яви,
что растянули пространство
и отуманили время.

В шёпоте волн – прикоснись...
Нет, я в тебе растворяюсь...

Над звёздами —
полнота:
сущего средоточенье
в точке одной
не-видимой
не-объятной
на-полнененной тишиной
огненной, словно в ней тысяча солнц.
Тысяча и еще одно:
самое тихое,
самое жгучее,
ток обнаженного чувства.
Noli me tangere! – шёпот.
Нет! Я к тебе прикоснусь!

«Вечному – вечное славить...»

Вечному – вечное славить.
Смертному – смертное славить.

Священнодействие – подаренная нежность,
подаренная без причины, просто так,
естественная нежность – поворот дыхания,
как будто изнутри вовне, извне – вовнутрь.
Дотронуться не боясь только и дышать.

В надзвёздности законы те же: там иные
пространства, скорости и величины, но
не сущности, и нежность – та же, расстоянья
ниспровергающая напряженьем жизни,
и звёзды дышат: их дыхание – свет,
они касаются друг друга светом.

Вечному – смертное славить.
Смертному – вечное славить.

«Светом мы одарены – вечным ...»

Светом мы одарены – вечным —
но забываем об этом.
В небо взгляни ночью,
самую темною ночью,
там – свет:
не-касания звезд
столь осязаемы...
только взгляни, только взгляни
внутри себя и увидишь
и ощутишь —
звёздные песни текут, разливаются – в нас.
В небо взгляни и в себя – разве не то же ты видишь? —
вечное, тающее, ускользающее и живое волнение покоя.

О, милосердие звёздное! растворены —
в нас
щедрые россыпи волн, обжигающих пламенем нежным.

Не понимая,
даже не понимая (но ощущая), мы сопричастны вселенной —
вечной, живой, ускользающей, тающей – вечной.

В нас – те же звёзды,
и не-касания их – в нас —
лишь осязательней и ощутимей.

Так же и я,
не понимая (за что), но ощущая,
чувствую как,
как одарён я тобой.

«Никаких расстояний в пространстве, во времени – нет...»

Никаких расстояний в пространстве, во времени – нет.
Никаких рас-стояний:
протяженности только,
переплетенья цветущие жизненных нитей.
И потому
от звезды до звезды
(слышишь?) не дальше,
чем от души до души:
значит – от сердца до сердца.
Хочешь почувствовать?
Звёздная ночь моя,
руку свою протяни —
не кончается тело рукою
и продолжается мыслью
и ощущением:
тянется ими вовне.

Звёздная ночь моя,
нет никаких расстояний —
рас-ставаний.
Звёзды твои
тянутся светом друг к другу
и на руке —
на руке-на твоей-на моей расцветают.

«Какая хрупкая тишина – сколько таится в ней звуков! ...»

Какая хрупкая тишина – сколько таится в ней звуков! —
хрупкая, звонкая, вечная...
И далям дней её не заглушить,
не от-далить:
прошедшее не исчезает. Рядом
оно – лишь взором сердца потянись – проникни в тишину,
и тут же пламенем ладони загорятся
былого —
в действительности не прошедшего и продолжающего жить.

Какая тонкая тишина – сколько таится в ней близости! —
можно коснуться этой тонкости лунной:
месяц, как парус,
звёздное море
серебряным своим дуновением
рассекает
и соединяет
покровы небес.
Я знаю, что эти покровы – твои.

Какая таинственная тишина – сколько в ней предощущений
будущего:
предвидение ответных звучаний
звёзд, зарождающихся в мимолётных —
истинных прикосновениях.
Я знаю, что истинна ты.

«Звёзды, звёзды, звёзды...»

Звёзды, звёзды, звёзды:
на небесах – жемчужные россыпи света,
дыхание их – сияние – ночь охраняет.
Солнце – тоже звезда,
только пламенем дышит.

Ночь – обещание и предсказание,
воспоминание и ожидание.

Не растеряться как в небесах?
Не просыпаясь, проснуться,
не прикасаясь, коснуться...

Не растеряться как в небесах?
Не просыпаюсь и под-
нимаюсь и руки тяну и тяну – вверх, к солнцу:
как дотянуться и солнца коснуться —
не просыпаясь?

Не растеряться как в небесах?
пальцы – во сне ли? – касаются солнца —
белое золото, тело живое,
воспоминание и ожидание,
и обещание,
и предсказание
близости света – живого покоя.

Солнца касаюсь – на пальцах огонь,
солнца касаюсь – в дыханье – огонь,
солнца касаюсь – и в сердце огонь,

не-обжигающий, но – одаряющий:
не просыпаюсь: огонь
истинный: это – не сон.

«Что тебе грёзы мои? – у тебя...»

Что тебе грёзы мои? – у тебя
целое небо бессмертных созвездий,
ярких, чарующих, верных.
Что тебе грёзы мои? – лишь цветы: расцветут и увянут.
Что тебе грёзы мои? —
Звёздная ночь моя,
нежная ночь моя,
вечная ночь моя,
о мимолётном, о смертном
самые нежные,
самые вечные
воспоминания.
Грёзы мои – как цветы.

«От руки к руке ...»

От руки к руке —
от зари к заре —
неразгаданные озаренья: звуки
сердце-солнце- (жаркого) -биенья.

Не разгаданные, но угаданные,
не предвиденные, но увиденные
в чёрном пологие небесном вихри: вихри
вздохов,
звездопады
взглядов
и улыбок —
алых месяцев расцветших —
всполохи и вспышки.

«В воздухе – в том...»

В воздухе – в том,
которым дышу я,
цветут и цветут
звёздные твои поцелуи
просто так:
не обещая,
не возвещая,
не отвечая:
сами собой рождены.
В сумерках – в тех,
замерзавших меня,
слышится ночь аллилуйей
звёздам —
значит, всему
звёздному,
значит,
всему твоему.
В трепете – в том,
объявшем меня,
отражающем, лунном,
обнажённый,
солнечный, вечный
я осязаю
твой свет,
в воздухе – в том,
которым дышу я —
звёздные твои поцелуи.

«Так создаются миры – притяжением звёзд...»

Так создаются миры – притяжением звёзд
или —
или сердец светоносных
при-
тяжением,
со-
дроганием.

Света не видно их – пусть:
ветер вечерний поёт
звёздную песню.
Света не видно их – пусть:
можно услышать его —

слышишь? —

слышишь ладонями, как
сердце совсем переполнено, как

звёздами всеми – бесчисленными в небесах —
звёздами всеми – бесчисленными в тишине —

сердце мое переполнено —
сердцем твоим?

«Имя твоё ...»

Имя твоё —
моя Шехерезада.
Я близок к тебе, словно тысяча смертных ночей,
о-зарением
звёздного сада,
о-зарением
взоров-свечей.

Сказками тают
руки твои.

Но ты далека
и неуловима,
неуловима, как эта одна

эта одна беззаветная ночь.

Сказками манят
руки твои.

А ты далека
и неуловима,
необъяснимая
звёздами смертными —
звёздами белыми —

одна, но бессмертная ночь.

Сказками ранят
руки твои.

Имя твоё – это воздух: вдыхаешь
и не надышишься – как тяжелы
лёгкие,
именем
этим томимые,
именем-камнем,
молчаньем твоим.

Тяжесть – как нежность:
срывается с пальцев,
с губ улетает
словом – одним.

Словом не-слышимым,

словом не-сказанным,
словом – разящим живым
о-зарением
звёздного сада,
сада, звучащего,
как эта ночь,

эта одна беззаветная ночь.

Ибо имя твоё —
Шехерезада,
ибо имя твоё —
ночь.
Море.
Маленькая поэма.

Море

Вступление

У меня ничего нет.
Только сердце раскалённое – камень,
только сердце, раскалённое звёздами,
И вся моя жизнь,

и вся моя жизнь, слышишь,
звёздная ночь моя,
уместится на твоей ладони.
Но песни мои – как море,
как море, не знающее покоя,
больше,
о, насколько же они меня больше!
И падают, вольные, волнами
на берег далёкий —
на берег молчаний,
молчаний твоих далёких.

Перед рассветом

Предрассветные дали спящего моря отуманены синевой:
звёзды ладоней твоих погружаются в синюю бездну,
звёзды ладоней твоих
погружаются в синюю бездну живым и недремлющим
нежным твоим серебром,
серебром неизвестности, серебром неизбежности, белым твоим
серебром.
И рассветные дали уже, напоённые звёздным твоим серебром,
и рассветные дали уже тобой пробуждённого моря,
и рассветные дали уже растуманены светом —
светом твоим.

Преломление света

В шёпоте, в рокоте ль волн —
Эрос:
тот, что движет светила, вечный,
тот, пребывает что в мире – Словом,
тот, изначальный,
начало начал.

Ты – верная дочь его,
ты, моё Слово:
вечно была, есть и пребудешь – во мне и со мной —
каждой волной.

Море в зените

Синее, светлое, синее, тёмное, синее, синее, синее...

В полный рост уже,
ясным голосом
звонкая синева.
Небо бездонно,
но синие воды, но светлые воды, но тёмные воды
кажутся – в это мгновенье – бездонней:
в это мгновенье – только сейчас – только всегда.

Море со звонкими волнами,
море с серебряными ладонями,
Это, твоё, море
движется, синее, движется, светлое, движется, тёмное,
и изменяется, так что недвижимым кажется,
синее, светлое, тёмное,

это, твоё, море,
это, твоё, тобою
напоённое:
тобою – вблизи, издалека – тобою
до краёв и до дна напоённое
море.

Голоса бури

Спутаны, перемешаны, опрокинуты горизонты —
звоном:
в колоколе воздуха черного
носятся, бьётся, как сердце в безумной груди, —
ветер.
Бьётся, могучий, невиданный:
не в силах он справиться
с обрётённой
своей
мощью —
с закованной в чёрные латы,
с запертой в абсолютной свободе.

Опрокинуты горизонты,
опрокинуты небеса – в голоса
бури.

Белое солнце

Вдруг – белое солнце, ты.
Вдруг – ясность надзвёздная всюду.

И голоса умолкают:
полнятся тем-же-иным серебром —
вновь —
и стелятся белыми волнами – новым покоем.

Так ты находишь меня —
белизной.
Так нахожу я тебя —
в белизне,
в каждой волне.

Белое солнце – над голосами.

Звёздная ночь над морем

Волны спокойные
ночью не спят.

И своим трепетом
волны вполголоса,
волны спокойные,
с ней говорят:

Все настоящее никогда не кончается:
не кончается: пребывает,
пре-бывает...

Уходит из моря ночь —
и вновь перед рассветом
звёзды ладоней твоих погружаются в синюю бездну.

Разное

Соне, моей племяннице

Воздух – ласковое море,
листья – рыбки золотые.
Ветер, сам с собою споря,
песни им поёт простые.

Вслед за ним они несутся —
чешуёю золотою
шелестят, блестят, смеются
нежной, тихой теплотою.

Вот такая осень, Соня!
Слышишь песни? Видишь блики? —
На твоей они ладони,
ты лови, лови их лики.

Зимнее

М.С.

Иногда нужно просто поднять глаза и посмотреть на падающий
с неба снег.
Он просто падает и не печалится,
радуясь каждому прикосновению – к чему? – не важно:
столько разных прикосновений! каждое – нежно, каждое – важно.
Посмотри, как он падает, радостный и спокойный.
И на губы твои – подними только глаза свои – он тоже тогда упадёт:
несколько – две, а, может быть, девять – снежинок.
Вот – на губах твоих – снег.

I

Беспощадно – так было, так есть и так будет —
я смотрю не на мир, а в себя.
Всех защитных давно я лишился орудий,
и последнее – нежность – я отдал, любя.

Ничего, проживу – как-нибудь – беззащитным:
жили же павшие в бездну! – и я проживу...
Сколько было их, будет – камней монолитных,
лёгких бабочек, окровавленных – в снег – наяву.
Я люблю эту зиму – мне дышится вольно,
осязательно: кажется, воздух обрёл —
этот снежный, прозрачный – и тело, и волю,
и со мной по бульвару в обнимку пошёл.

Мы идём, одинокие, трепетно, вместе.
Белый светит нам свет фонарей.
Ты и я, этот воздух, мы – в нежности, в песне,
в песне пьяной, хорошей моей.

До свидания!
Так неловко забыть попрощаться.
Говорит ли во мне земляничное Божоле?
Говорит ли безбрежно?
Ах, как хочется – навсегда – беззаветным остаться,
музыкантом последним и нежным,
на заснувшем в морях корабле.

II

У всего своя зима, родная.
У меня. И у тебя. У нас.
Белизна печалится, не зная,
отчего печаль на этот раз.

Но возрадуется золотое
на лазурном, синем, голубом,
и легко вдохнёшь тогда простое
счастье свежести – живым вином.

И, рассеянные незаметно,
как снежинки, разлетятся сны,
чтобы мысль, была что безрассветна,
золотом оделась белизны.

III

Зима, дыхание моё, какая нежность!
Белые поцелуи зимы – твой-от-тебя – заморозили воздух
и неисчислимы,
неисчислимы как звёзды, заморозившие небо.
Соберём – каждую: будем сбиваться со счёта – не страшно.
Каждую, слышишь? – руками
Мы соберём и твоим-от-тебя поцелуем и словом моим
обессмертим.

Дыхание моё, какая снежность!
Белизной, этой, – твоей-от-тебя – переполнен теперь я навеки,
здесь-и-сейчас.
Здесь-и-сейчас в поцелуе твоём-от-тебя и в слове моём мы –
навечно.
Слышишь, звёзды как смотрят на нас?

IV

Аллилуйя этому небу,
аллилуйя этому снегу.

Он идёт,
о печалих, о счастье о нашем не зная.
Он идет, милосердный,

белый-белый, с серого неба.

Оттого ли, что небо со снегом,
оттого ли что серое с белым,
я дышу, и дыхание моё —
часть меня, несказанная, — рядом
рядом—навек со мной?

Аллилуйя этому небу,
аллилуйя этому снегу.

V

От мрака к свету и от ночи к дню
идут снега, и я их жизнь храню.
Идут, любые (без конца, без края
снега), ни ада нашего, ни рая
не зная и не думая о том,
что мир кому-то — путь, кому-то — дом.
Идут снега, сияют в небе звёзды
(ах, звёзды, всех снегов бессмертных гнёзда!)
и я их жизнь храню, в моих словах —
их белизна, как и в твоих руках,
дыхание моё, — дыхание звёзд,
и каждый вздох, и каждый выдох — мост,
соединяющий сердцебиенья
и белизны, и нежности виденья.

VI

Я видел рассвет — твое обнажённое тело.
Я видел рассвет. В руках моих — солнце живое.
И воздух молчал. Все зимние звёзды молчали.
И только любовь, одна, тишиной золотела.

Я слушал её — она золотела тобою.
Я слушал её. А руки твои засверкали.

Я видел закат — твою обнажённую душу.
Я видел закат. В руках моих солнце живое.
И в небо, наверх, все зимние звёзды упали.
А я сохраняю, а я тишину не нарушу.

Падение Фэтона

Воздуха. Воздуха. Воздуха.
Нечем дышать!
Звёзды бросают белые копья лучей.
Не увернуться. Не выпустить вожжи.
Свето-носные,
смерто-носные,
пронзают, пронзают, пронзают!
Сердце истерзано ими.
Не увернуться, не выпустить вожжи.
А мысли и чувства – огненногривые кони —
несутся! Не выпустить вожжи,
не увернуться.
Холодно.
Холод крошечный кругом.
и сердце – шар раскалённый —
разогнать его может, лишь разорвавшись,
взорвавшись.
Павший,
в небе я или на дне?
Эридан, Эридан подо мною, внизу.
Эридан надо мною,
надо мною янтарные слёзы сестёр.

В высь! В вышину, в тишину, в за-небесье!
Там,
там с деревьев плодами срываются песни,
чтобы на землю упасть.

Отец! Я только хотел дотянуться до них!
Я только хотел, чтобы свет их, как твой, мог для всех просиять!
Вот в руках моих гроздь их!

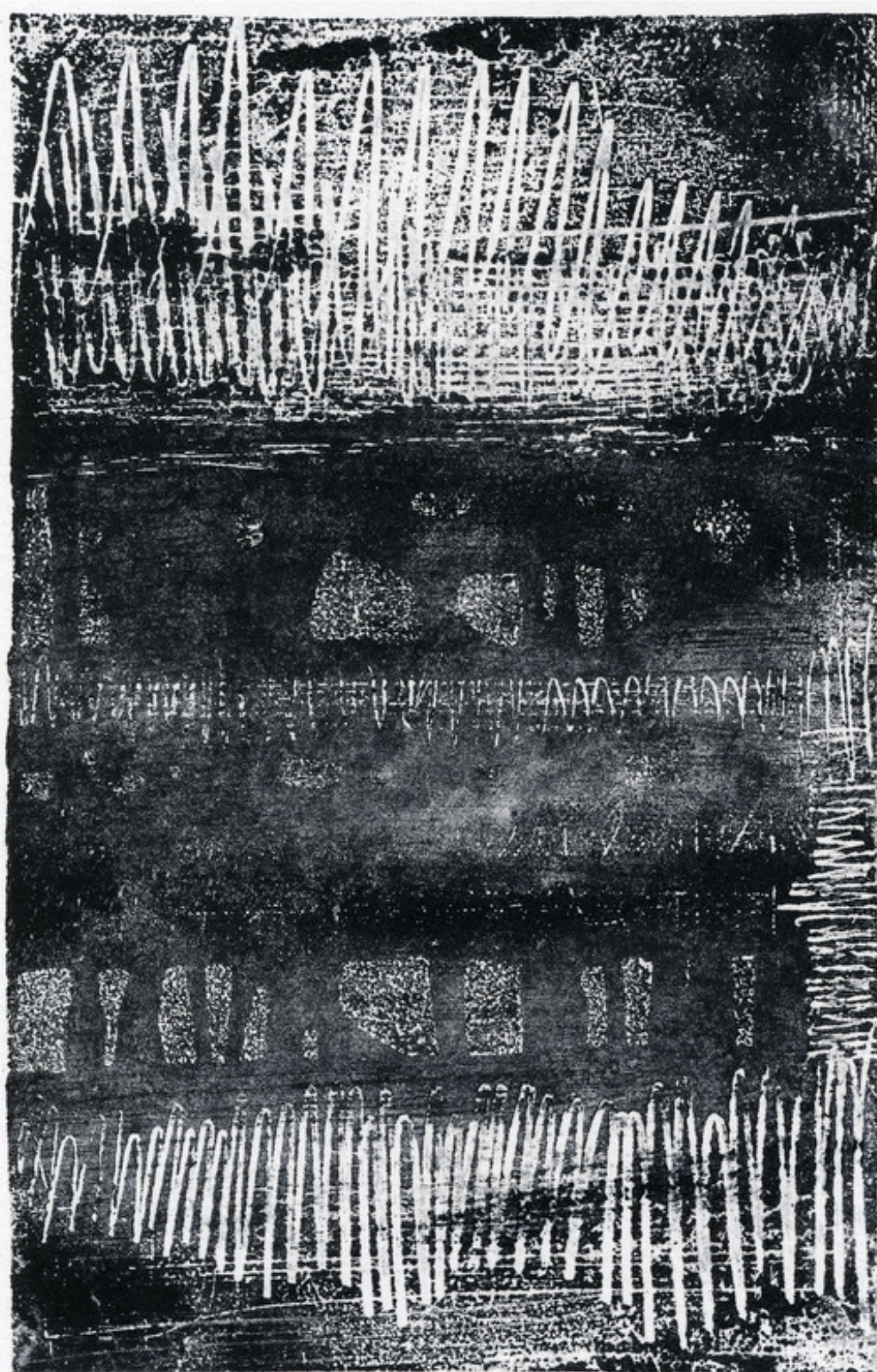
Молния в сердце.

Падаю – падают вместе со мной.
Падаю – расцветают они облаками.
Падаю – я не вижу их больше, кто гроздь теперь подберёт?
Падаю,
падаю,
падаю.

Здесь...
лишь янтарные слёзы сестёр.

Кассандра

Осень, Кассандра. Неизбежный рассвет зимы.
Вот они, солнца осколки – рассыпаны средь травы.
Ты говорила об этом, ты знала об этом с весны,
но свет твоих слов не расслышали из-за тьмы.
Мы, твои братья и сёстры, такие же все, как ты.
Все мы – здесь-и-сейчас, но такими другим не нужны:
после смерти сбываемся вечно, как твои вещие сны.
Я ещё здесь-и-сейчас, в осени: звуками руки полны.
Ты же, Кассандра, скажи, у какой пробудилась весны?

«Нет, не герои поэты, и сил не имеют...»

Нет, не герои поэты, и сил не имеют
сверхчеловеческих: сверхчеловечен их труд,
и потому за поэзию жизнь отдают,
все отдают, потому что без сил они смеют

медленно, словно
вслушиваясь, как лозой прорастает из почвы безмолвия слово,
сердца настраивать тонкие струны,

нежно, любовно,
чтобы потом напряжением чуткого слуха рождение новой
в небе звезды ощущать накануне,

чтобы, когда все вокруг и жестоко, и грубо —
око за око, за зуб обязательно зуб —
грубость отвергнуть и с трепетом любящих губ
всех целовать словом в души, как будто бы в губы.

«Нет...»

Нет,
не назову её имя.
Пусть даже сердце
листвой опадёт —
осени смертной
палою нежностью.

– Мне,
мне неизвестно его имя.
Что мне до имени?
имя – не плоть.

– Нет,
не назову её имя.
Тайною только
сердце умрёт —
осени смертной
палою нежностью.

– Мне,
мне осталось его имя.
Как с этим именем
жить мне, Господь?

Камни Иерусалима

Печальны и величественны камни Иерусалима.
Безмолвные свидетели истории, они —
горящей памяти громада посреди неумолимой
реки времён, смывающей века, года и дни:
ведь город этот неподвластен ей. Он — ей сродни.

Его бессмертие оплачено божественною кровью.
Он взглядом неба синего, как вечностью, объят.
Хоть жизнь в нём новая кипит, но все равно камней безмолвье
напоминает о былом. Так камни говорят —
без слов, лишь формою, но тем сильнее они звучат.

Несение Креста

Окровавленный
и измученный,
Он по камню идёт – горячему.
Каждый вздох – это боль,
и не лучше ли
потушить это солнце палящее?
Но не тяжесть креста утомительна,
а печаль —
из грехов человеческих.
Но лишь кровью она —
отмоется,
и лишь сердцем бездонным —
искупится.
И в жестокой толпе,
бесчувственной,
в этих взглядах безличных,
безумных,
в этих криках —
на смерть зовущих,
этот путь – не мгновенье,
а страшное
бесконечное
одинокое,
в абсолют
возведённое
вечностью.

Ноктюрн

Бывают ночи – полные видений:
не сон, не явь – иное бытие.
Тогда сознание, словно остриё,
пронзает тишину любых сомнений.
Лишь ночь вокруг – и таинство её.

Луна, как лебедь в необъятном море,
сияет серебром из синей мглы.
А тучи – предсказаньем тяжелы:
томятся в них сиреневые зори —
иного мира тайные послы.

И, прозревая образы-послания,
звездой новой сердце возлетит
туда, где вечность Богу предстоит,
где наравне и радость, и страданье
вселенной образуют монолит.

Паоло и Франческа

Великий Дант был полон сострадания
к влюблённым двум, и мука их сердец —
не радость ли, не счастья ли венец?
Любовь сильнее адского терзанья.

Им чёрный вихрь – как вечное проклятье:
божественный закон неумолим.
Но счастлив тот, кто – любит, кто – любим...

И смерть на разомкнула их объятия.

Песня Сирены

1

Не шум, но музыка меня объяла
твоих не ведающих страха волн.
И в каждой – жизнь, и даже в самой малой
мне слышен звон тритоновых валторн.
Но что ты мне поведать хочешь, море,
и в таинства какие посвятить?
Кто я в твоём многоголосом хоре?
Что музыка твоя – спасенья нить,
дарованная сердцу Ариадной,
иль красота, что может погубить
того, кто тянется к ней безоглядно?

2

Ответа нет. Но все же различаю
отдельные уже я голоса:
протяжный крик отчаявшихся чаек,
и вздохи нимф, смотрящих в небеса,
дельфинов смех, морской журчащий пеной
у берега крутого, а вдали...
Вдали сопрано нежное сирены.
И тянутся к ней, словно корабли,
влекомые неведомою силой
все чувства и все помыслы мои,
души моей уставшей и унылой.

3

На языке божественном, неясном
о чём поешь ты? Тайну мне открой!
Я не пойму... но голос твой прекрасный
сулит своим звучанием покой.
То правда или ложь? иль всё – едино?
Без одного другому не бывать.
Но есть ли между ними середина?
...Замолкли звуки, тишина опять
заполнила собою всё пространство.
Мгновенья ощущал я благодать,

но море — это мир непостоянства.

Рождение Венеры

Ты выходишь из волн, освещённая радостным солнцем,
и тебя охраняет заботливый ветер.
Каждый шаг твой чарующей музыкой льётся.
и твой лик беззаботен и светел.

Ты ступаешь по берегу в лёгком струящемся платье,
на песке оставляя – как чудо – следы,
из которых, сплетаясь в любовных объятьях,
вырастают живые цветы.

Ты идёшь. Никому неизвестен твой путь. Милосердно
тихим взором спасаешь ты всех от печали.
Облака, прежде бывшие тогою серой,
белоснежной туникою стали.

Ты – душа красоты. И твой облик, как мир, гармоничен:
В нём небесное нежно едино с земным.

.....
.....

Харон – Орфею

Как сладостно звучит твоё страдание...
Молчи, Орфей, и мертвых не тревожь!
Зачем напоминаешь им о жизни?

В их честь уже давно свершили тризны...
Но не уйти от звука лиры – дрожь
твоей тоски объяла мирозданье.

Молчи, молчи! В подземном царстве нет
надежды. Не пройдет она – у входа
стоять придется ей: природа
сама установила ей запрет.

О, пой же, пой! Я вечный свой обет
забуду, только пой, – по мёртвым водам
я провезу тебя, под мрачным сводом,
туда, где никогда не виден свет.

Песня Орфея

Счастье так же хрупко, как и красота,
так же неподвластно,
так же беспричинно, но ведь неспроста
мы ему причастны.
Так же, как страданию.

Нити наших судеб были сплетены
волей мироздания.
Отчего же были мы разлучены
смертью утром ранним?
Нет тебя со мною.

Как же мало счастьем нам дается дней!
много как – тоскою.
Ты была прекрасна. Ты была моей
верною женою.
Но тебя не стало.

Царство я Аида песней покорил,
и тебя отдал он.
Но, ему не веря, я тебя сгубил,
взглядом – как кинжалом.
И ушёл ни с чем я.
Ко всему на свете – даже к пустоте
равнодушно время.
Сколько – я не знаю – плакал я во тьме.
Тяжко жизни бремя
для меня теперь.

Но к тебе вернусь я, Эвридика, верь.

Орфей и Эвридика

Однажды, после долгой разлуки, Орфей и Эвридика сидели на берегу тихо журчащего ручья, в нежной тени зелёных ветвей молодого лавра, защищавшего их от жаркого солнца. Они не виделись так долго, но все не начинали разговора; они лишь молча, радостно глядели друг другу в глаза. Но вдруг тишину, царящую вокруг, нарушило дуновение ветра, который слегка задел струны лиры, лежащей около ног Орфея на траве. И тогда Эвридика спросила:

– Возлюбленный мой, почему ты не поешь, когда я рядом с тобой? Все говорят, что нет ничего прекраснее твоих песен, что даже звери, даже растения и камни зачарованно слушают их, что даже боги плачут от счастья, когда слышат их. Я же никогда не слышала твоих песен.

– Я пою, любимая, – отвечал ей Орфей, – о Красоте, и пою свои песни для всех. Но я не могу петь их тебе: как же я могу петь тебе о тебе самой? Когда ты рядом, я не могу петь, потому что сам весь превращаюсь в слух, чтобы слушать тебя.

– Возлюбленный мой, – продолжала спрашивать Эвридика, – почему тебя так долго не было? И почему на твоём лице следы слёз?

– Когда судьба разлучила нас с тобою, любимая, я не знал покоя. Я долго искал тебя, но не мог найти. Я молил богов, чтобы они вернули мне тебя, они дали мне надежду, но затем забрали её. И тогда, когда я потерял надежду, я горько заплакал. И плакал я долго и безутешно. И плач мой был молитвой. Я молил богов, чтобы они превратили меня в ночное небо, на которое ты смотришь перед сном, чтобы я мог мириадами очей-звёзд смотреть на тебя. Я молил богов, чтобы они превратили меня в землю, по которой ты ходишь и на которую ты ложишься отдохнуть, когда устаешь во время прогулки, чтобы я мог чувствовать твои прикосновения. Я молил богов, чтобы они превратили меня в море, в котором ты купаешься каждый день, чтобы я мог всегда обнимать тебя так, как обнимают тебя его воды. Я молил богов, чтобы они превратили меня в лёгкий ветер, чтобы я мог всегда целовать тебя, так, как он целует тебя.

Эвридика улыбнулась Орфею, и они вновь замолчали, и вновь молча, полные счастья, глядели они друг на друга, потому что знали, что они больше никогда не расстанутся, ибо их окружала вечность.

Родосские стихи

I

Скажи, гречанка юная,
какие ночью видишь сны,
и солнцем ли озарены
они иль грустью тихой, лунною?

Скажи мне, теми ж мифами,
как в старину, твоя земля
живет теперь, богов доля,
как будто море воды – рифами?

О, небо, небо южное
мне не забыть твоих очей! —
так, верно, помнил Одиссей
Итаки берега жемчужные.

II

Та, что скрывает, Калипсо, – какое печальное имя!
Несправедливо оно!
Имя такое дано
той, что любовью своею спасает, хотя нелюбима...

Боги не ведают жалости, горе им мало знакомо,
неумолим Одиссей.
Кто ж посочувствует ей?
Только Гомер, сей слепец, не имеющий отчего дома.

III

Рождённый на рассвете мира, лучезарный,
из моря Родос вдруг жемчужиной возник.
И с неба молодого Гелиос янтарный
на остров обратил свой вездесущий лик.

И, полные любовью, горы потянулись,
объятия раскрыл приветливый залив,
и козы разбежались, лани вострепнулись,
и рощи разрослись задумчивых олив.

И лозы винограда, гроздьями чернея,
орнаментом сплелись черно-фигурных ваз.
И в тонких одеяньях дочери Нерея
запели песнь свою. Раздался моря глас.

И на закате солнца вечно нимфа Рода
супруга своего сияющего ждёт.
И Гелиос янтарный с нею до восхода
на ложе возлежит, вкушая сонный мёд.

IV

Прикрыв наготу утомлённого сердца,
блуждаю по берегу я одиноко.
Лишь солнца янтарное, вечное око
глядит на меня с любопытством младенца,
взлелеянного венценосною Эос.

Я долго по морю печали скитался,
сомнениями, как ветрами, гонимый.
По воле бессмертных я неумолимой
во власти стихии морской оставался.
Жалела меня только нежная Эос.

Душа в неизвестности, словно Европа.
В мечтах не царит каменистых Итака.
Не ищут меня корабли Телемака,
не ждет меня в доме родном Пенелопа,
молясь о моем возвращении Эос.

Но новый рассвет, небеса рассекая,
надеждой горит – и на сердце светлее,
И вот, наконец-то, иду по земле я.
И, может, я встречу свою Навсикаю
в сиянии розовом ласковой Эос.

V

В каждом камне и цветке сокрыто
то, что многими забыто.

Что пророчит, милая Кассандра,
мне цветенье олеандра?

Боги, вещей, что тебе внушили,
правду рассказать мне или —

мифы – эти радости метафор,
горечь вин и хрупкость амфор?..

Ариадна. Поэма

Песнь первая

– Счастье – таинственный дар, и заранее нам неизвестно,
где мы его обретём.
Знают лишь боги о том:
всё им известно, однако не всё им подвластно,
и над богами царит
сотканный мойрами рок.
Как одеянье,
он укрывает
тело вселенной,
смертное с вечным
переплетая
в сложном узоре.
Воле небес подчинись и оставь её, слышишь?
Разное вам суждено, не держи её, слышишь?

Море шептало так, снова и снова корабль могучий целуя,
чистой лазурью своих многочисленных волн,
в сон проникая Тесея мучительной мыслью,
в сердце – безмерной тоской.

– Слушай же, слушай, мой голос ты знаешь с рожденья,
в нём узнаешь ты дыханье отца?
Слушай же, слушай,
слушай меня.

Тише и тише всё шепот. Мучительно тихий,
только Тесею он слышен сквозь сон.
Кормчий же бодрствует, радуясь тихому морю,
смело корабль направляя вперёд.
Глубже и глубже
в царство своё
разум Тесея Морфей погружает.
Но всё яснее
сквозь сновиденье
спящего море зовёт.

– Слушай же, слушай, тебе я открою, что скрыто от смертных
богами,
то, что оракул лишь может услышать в дыхании звёзд,
в небе расцветших из слёз, обронённых луною
в ночь, когда царственный Эндимион
в сон погрузился навеки.

Подвиг, что ты совершил, это только начало,
первая нить твоего полотна.
Много свершишь ты великих деяний,
славу в веках обретёшь.
Но за величьем и славой всегда, словно тень, укрывается в жизни
страдание.
Мир гармоничен и всё в равновесии в нем сохраняется вечно:
так, человеку чем больше дано, тем он большего может лишиться.
Горечь тяжелая первой разлуки тебя ожидает.
Должен навеки проститься с любимой ты.
Ваши пути на мгновение сплелись, но сегодня
им суждено разойтись.
Хоть ты от бога рождён и хотя велика твоя сила,
ждёт тебя смертных удел.
Ей же иное, ты знай, предназначено роком,
ибо бессмертье она обретёт:
станет супругой она
бога великого скоро.
К первому дикому острову ты, пробудившись, корабль свой
направишь,
там и оставишь любимую ты.
Воле небес подчинишься и оставь её, слышишь?
Разное вам суждено, не держи её, слышишь?

Ярко сияет печалью серебряной, к небу прижавшись, луна.
И от холодного света
вдруг пробудился Тесей.
Полон тяжёлых раздумий, он взор обратил к Ариадне:
девушка крепко спала.
Ветер укрылся в её волосах,
в роще как будто,
тихо кудрями, лишь изредка, словно ветвями, играя.
Нежностью дышит она, и в руках лебединых,
держит, как будто боясь уронить, обретенные грёзы.
В свете луны силуэтом сквозь ткань обнажается истина тела:
шеи склонённой изящная тонкость,
хрупкие линии плеч,
прелесть округлой груди,
талии узкой,
стеблю подобной, изгиб,
стройная грация ног.
В истине тела являет гармонию чистую необъяснимо душа.

Тихо, любуясь любимой, молвил с тоскою Тесей:
– Много, так много тебе я сказать
должен был раньше, но время уходит.
Спи, я не буду тревожить твой сон,
хоть и разлука близка.
Жизнь ты спасла мне своей добротой,

сердце пленила красой.
Пусть наши жизни подвластны судьбе и богам,
но наши чувства свободны.
Знаю, что ты никогда не поймёшь
то, что я сделать обязан, —
только иначе,
я не могу поступить.
Станешь бессмертной ты,
станешь супругою бога,
вечной, небесной любовью тебя окружит он.
Я же умру, но ты помни всегда:
смертный, тебя я любил беззаветно.
Боги завидуют нам,
вечны они и не ведают горя.
Мы же живём и страдаем,
но тем сильнее
чувствуем счастье.
Наша любовь — как живая звезда,
ночью зажглась и во тьме засияла.
Хоть и погаснет она, но сиянием ярким
преобразит этот мир навсегда.

К кормчему грустно подходит Тесей
и говорит ему:
— Видно ль
остров поблизости где?
Кормчий кивает в ответ,
к острову взор обращая,
что в отдалении тенью широкой
словно из вод вырастает.

— К острову этому путь ты держи,
Там остановимся, слышишь?
Там ненадолго сойду я на берег,
Тотчас вернусь, и продолжим мы путь»

...Розовоногая Эос
в небе идет босиком,
нового дня возвещая начало.
Берег от сна пробуждается медленно, в мягкой тени,
тающей, вечнозелёного лавра
девушка спит молодая.
Волны морские ласкаются к берегу, нежно его обнимая,
шепотом всё без конца повторяя:
помни, тебя я любил беззаветно, ты слышишь, ты слышишь?
Помни, тебя я любил беззаветно, ты слышишь?
Помни... любил беззаветно, ты слышишь?
Помни... ты слышишь?
Слышишь...

Песнь вторая

– Не шуми, не шуми, ты разбудишь её,
Ты разбудишь её, милый брат!
– Но позволь посмотреть на неё ты хотя бы мне издали,
Тишину не нарушу я, брат.

Говорили так между собой легкокрылые ветры,
Ариадной любуясь. Она,
просыпаясь, услышала их.
Удивлённо, с тревогою девушка смотрит вокруг себя, не понимая,
что случилось, и где оказалась она.

– Не шуми, не шуми, не пугай её брат!
Охранять её велено нам незаметно!
– Хорошо, хорошо, буду тише я, брат,
Осторожным я буду, поверь!

Всё щедрей и щедрей по земле рассыпает бессмертное золото
с колесницы своей светлоокое солнце,
разгоняя ночных сновидений туман,
освещая всё то, что сокрыла в себе беспокойная ночь.
Яркий свет беспощадно палит
одиначества зыбкий песок.
Ариадна – в смятенье. Вокруг – никого,
только ветры бесшумно летают.
Поняла, поняла она всё
и заплакала тихо.

– Почему, почему ты оставил меня, —
беспричинно, без сердца, без слов?
Как жестоко, когда освежающий счастья поток
незаметно впадает
в замутнённое озеро слёз.
Пустота, пустота...
В этом солнечном свете страшной
пустота...
Словно душу стрела поразила,
разорвав её нежную ткань на куски,
и развеял их ветер повсюду.
Всем ты стал для меня...
Почему ты забыл о любви?
Почему, виноградарь жестокий,
ты отрезал от жизни меня, как лозу?
Почему, о, любимый, о, нежный,
почему вместо счастья я горе нашла?

Несказанно, нечаянно, ласково
так ты обнял меня – вчера...
Но с душою разорванной можно ли жить?
Только в чувствах и кроется истина...
Почему, почему ты оставил меня,
беспричинно, без сердца, без слов?

Видит слёзы и боль Ариадны укрывший её, как в объятье, в тени
своей лавр,
вместе с нею он плачет – листвою.
Всё вокруг расцветает, приветствуя солнце, а он отвернулся
и пред нею роняет зелёные листья – слова утешенья:

– Не печалься, не плачь и судьбу не кляни,
ведь не знаешь ещё, что готовит она.
Примиришь только в сердце с собою ты, освободишь,
и исполнится воля небес.
Неслучайно ты здесь оказалась
и недолго тебе
оставаться одной.
Неподвластна Тесею судьба, не вини его в том, что случилось,
ведь он сам – одинокая только лоза
в винограднике жизни.
Знай: иное тебе суждено,
за страданьем твоим укрывается радость,
ибо выбрал тебя себе в жёны божественный мира всего
виноградарь.
Не печалься, скорей поднимись и ступай,
и навстречу судьбе поспеши.

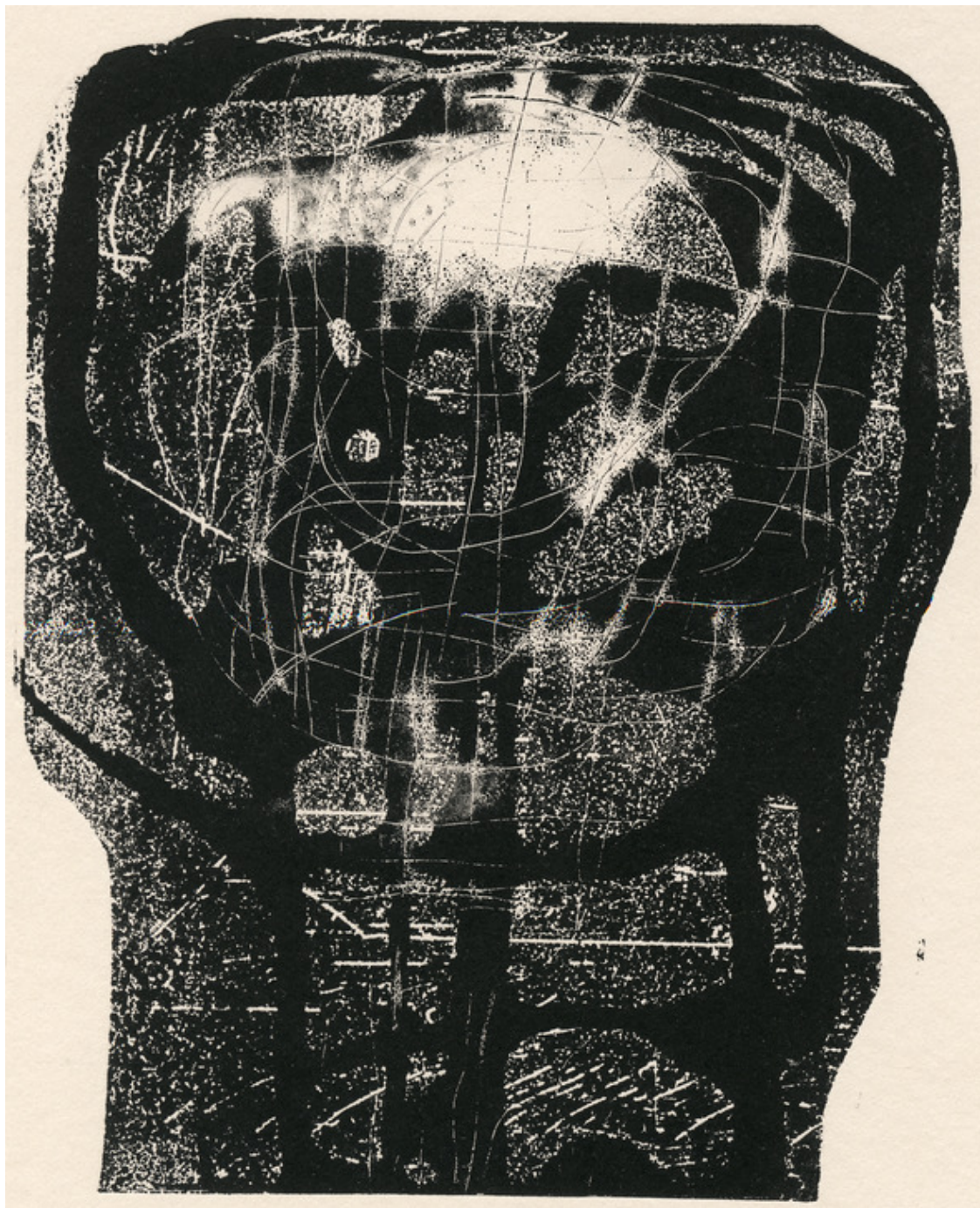
Вдруг из чащи слышалась музыка.
словно чарами, ею наполнился воздух,
подчинившись манящему ритму.
Ариадну зовёт и зовёт эта музыка, в сердце
проникая её.
Голоса заплетаются флейт очарованных,
и, как гром, барабаны безумствуют,
но отдельно от них ясно слышится
тонкий, нежностью льющийся с лиры
дождь волшебных, взволнованных струн.

– Это он, это он! Ты ведь слышишь его?
Ты ведь слышишь его приближение, брат?
– Мы свободны! Ведь то, что нам велено, сделали, брат,
Мы свободны теперь, милый брат!

Песнь третья

Есть у земли живой свои законы,
в них жизнь со смертью соединены:
ведь в смертности – бессмертие земли.
Цветение сменяет увяданье,
но вслед за ним – рожденье вновь и вновь.
Неумолим, и прост, и неизбежен
природы годовой круговорот.
И бог земной – иной. Богам небесным
не равен он, поскольку вечно смертен,
как и природа. Ею окружённый,
он веселится с нею и грустит,
рождаясь без конца и умирая.
Бессмертных олимпийцев безмятежность
ему неведома: наполовину
он бог, наполовину – человек...
Но здесь, на острове, царит сейчас,
царит во всём весна, и, полный сил,
он мчится на квадриге, запряжённой
пантерами, к избраннице своей.
И следуют за ним в весёлой пляске
сатиры и поющие менады,
и мудрый Пан, и пьяница Силен.
Так, жизнь – беспечно, беззаветно,
лишь оттого, что началась весна,
из берегов выходит чувств своих,
сердец людских долины заливая.
Что их союз? – живое откровенье:
вочеловечиванье божества,
и в том – обожествление человека...
И вот пред изумлённой Ариадной
склонился ниц, как пред царицей раб,
могучий Дионис. Замолкло всё,
безмолвье на мгновенье воцарилось.
Их взгляды встретились. Душа с душою
слилась: так, две реки, впадая в море,
едиными становятся навек...

Переводы

Сапфо

«Говорят уже, что Харакс вернулся...»

Говорят уже, что Харакс вернулся
С кораблями, но, полагаю, это
Знают Зевс и боги, тебе ж не должно
Думать об этом.

Но молиться и умолять скажи мне,
Много раз просить мне царицу Геру,
Чтоб Харакса прибыл сюда плывущий
В море корабль.

Невредима пусть буду я; иное
Всё судьбе с тобою давай доверим.
Ведь из бурь опаснейших возникают
Ветры благие.

Те, кому владыка Олимпа хочет
От трудов, от горя судьбу направить
К благу их, стремятся те ей навстречу,
Полные счастья.

Мне же – счастье, вырастит если Ларих,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.